

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

**АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ 68**
ХРОНИКИ

Дмитрий Коровников Адмирал Империи - 68

<https://litres.ru/74251622>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из дневника адмирала Василькова А.И. — командующего русского экспедиционного корпуса:

Запись 469: «Сегодня стёр с карты сектора три обитаемых мира. Население – 6 миллионов человек. Потери флота – приемлемые...»

Запись 2013: «Мятеж в 22-ой «гренадерской» подавлен. Казнено более 3000 офицеров и нижних чинов дивизии. Среди них – мои однокурсники...»

Запись 55298: «Война с Конфедерацией завершена. Наши потери – 60% личного состава. Победа. Мне присвоили еще одну Золотую звезду. Она пахнет кровью...»

Согласитесь, но очень похоже на мемуары героя. Больше на сухие строчки военных донесений, за которыми – выжженные планеты и погибшие флоты. Это правда о том, как делается история экспансии. Без патетики. Без оправданий. Без жалости.

Каждая запись – еще один шаг к трону... или к эшафоту.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 68

Глава 1

Хуже всего было то, что я всё видел.

Тактическая карта показывала сектор во всех подробностях, на какие была способна, и подробности складывались в хронику избиения. Эскадра Зиминной таяла. Отметки её кораблей исчезали одна за другой, как свечи, которые обходит и гасит аккуратный служка. Вокруг каждой уцелевшей вились по два, по три чужих вымпела, и в этом кружении было что-то от воронья, слетевшегося точно к сроку. «Елизавета Первая» больше не маневрировала: линкор висел в пустоте, обмотанный тросами по самую рубку, и к нему неторопливо, по-хозяйски подходил тяжёлый крейсер под флагом командующего вражеским космофлотом.

Суровцев выходил на прямую линию с флагманом Настасьи Николаевны. Для чего выходят на прямую линию к обездвиженному кораблю, в академиях объясняют на первом курсе.

— Господин контр-адмирал, — Пападакис стоял рядом и смотрел на ту же карту, — крепости завершают разворот. Орудия прогреты, расчёты на местах.

— Вижу, Айк.

— Целераспределение подтверждено, — продолжил Пападакис. — Комендантам приказано бить по тяжёлым вымпелам и не жалеть накопителей.

— Пусть не жалеют. После сегодняшнего дня накопители нам либо не понадобятся, либо спишутся вместе с нами.

План работал. Радоваться ему я уже не мог: между «ударят» и «успеют» лежала пропасть, и на дне этой пропасти помещалась целая эскадра.

— Мы можем рвануть туда, — сказал Пападакис. Голос у него был ровный, как у человека, предлагающего чай. — Полный. Через двадцать минут будем в самой гуще.

— Не можем.

— Я и говорю: можем, но нельзя. Хотел услышать это от вас, а не от себя.

Грек знал меня непозволительно хорошо. Всё во мне требовало скомандовать «полный вперёд» и гнать крейсер туда, где расстреливали остатки эскадры Зиминной, — каждая клетка, каждый год выслуги, каждая из привычек, которые заменяют командиру инстинкты. И всё это упиралось в две серые кляксы на краю карты.

Два тоннеля. Два входа в сектор, задёрнутые «туманом войны», как ширмой. Перед ними стоял мой заслон, и покинуть его я не имел права: если из этих дыр, пока сектор занят Суровцевым, выйдут свежие эскадры, сражение можно будет не доигрывать. Я сам выбрал себе этот участок. Сам

поставил сюда крепости. Сам назначил себя сторожем при дверях — и теперь стоял у дверей, слушая, как в соседней комнате убивают.

— Что зонды? — спросил я, не оборачиваясь.

— Первая пара вошла в серую зону полторы минуты назад, — отозвалась Завадовская со своего поста. — Вторая — только что. Трансляции нет: внутри работают чужие постановщики помех, забивают все каналы.

— Лейтенант, как только появится хоть что-то похожее на картинку...

— Вы узнаете об этом раньше меня, господин контр-адмирал, — пообещала она.

— Потери среди зондов? — спросил Пападакис.

— Один из четырёх уже молчит, — ответила Анфиса Сергеевна. — Второй фонит, но идёт. Пара во втором тоннеле пока целая.

— Целая, — повторил грек. — Хорошее слово для машин, которых мы сами послали умирать.

— Работаем с тем, что есть.

Разведывательный зонд — существо героическое и недалёкое: он лезет туда, куда не пошлешь человека, и гибнет там с усердием, которого не требуют даже уставы. Эти четыре шли в облако глушилок, чтобы купить мне немного правды. Курс правды в секторе стоял сегодня высоко, как никогда. Я распорядился пустить их парами и по разным векторам, чтобы чужие постановщики не сняли всех одним накрытием.

Мелкая предусмотрительность человека, который уже проиграл главное и пока не знает об этом.

«Туман войны» — название поэтическое, а явление скучное: область, где сканеры слепнут, связь глохнет и любой объект превращается в размытое пятно условной массы. Внутри может идти ударный флот, а может дрейфовать выпотрошенный транспорт, и снаружи эти картины неотличимы. Командиру остаётся считать худший вариант рабочим. Я и считал. Последние часы я занимался этим с прилежанием отличника.

Ожидание вышло из тех, что старят. Я находился между двумя картинками: на одной выбивали эскадру Настасьи Николаевны, на другой не было ничего, кроме серой мути, и я затруднился бы сказать, которая из двух больше выбивала меня из колеи. Пападакис молчал рядом. Завадовская вполголоса переговаривалась с постами. Крейсер жил размеренной жизнью боевой тревоги, и в этой размеренности было что-то оскорбительное: сектору полагалось затаить дыхание вместе со мной, а он работал.

— Есть трансляция! — лейтенант Завадовская подалась к пульту. — Канал рвётся... Даю как есть.

Над проекционным столом вспыхнула картинка — дрянная, в косых серых полосах, со снегом помех; кадр дёргался и слеп каждые две секунды. Наши разведчики пробивались сквозь вой чужих постановщиков, как человек, кричащий сквозь стену. Но и того, что пробивалось, хватало.

— Стабилизацию по второму каналу, — Завадовская работала, не поднимая головы. — Сейчас... Вот.

Кадр застыл.

В тоннеле, из которого я ждал минимум эскадру — ждал так уверенно, что ради этого перекроил чужую оборону, шёл один корабль. Крейсер. Немолодой крейсер средней руки, не флагман и не линкор. Вокруг него, как мошкара вокруг фонаря, вилось плотное облако РЭБ-зондов, и вся эта компания добросовестно изображала поступь флота, идущего походным порядком.

— Второй тоннель, — выдавил я. Во рту пересохло.

— Секунду... — щелчок переключения. — То же самое, господин контр-адмирал. Одиночный крейсер, облако постановщиков. Идут с переменной скоростью: разгон, торможение, снова разгон.

— С переменной, — повторил я. — Ну, конечно...

— Нужно подтверждение по массе? — спросил Пападакис за моей спиной.

— Сигнатура одиночная, капитан, — ответила Завадовская. — Пятно крупное, но ядро одно. Ошибки нет.

— Похоже, имитируют... — она запнулась, подбирая слово.

— Перестроения, — закончил я за неё. — Благодарю, лейтенант. Я понял, что они имитируют.

— Да сколько их там всего? — Пападакис спросил это тоном человека, уточняющего прогноз погоды.

— По одному вымпелу на тоннель. Два крейсера, Айк. Мы держали два заслона и ударный крейсер против двух старых посудин с фонарями.

— Против двух посудин и одной хорошей идеи, — поправил он.

Дальше можно было не смотреть. Я смотрел.

Фокус был стар, как война, и прост, как напёрсток. Берёте один корабль, обвешиваете его постановщиками, загоняете в серую зону, где ни один сканер не различит деталей, и меняете скорость с той ленивой неравномерностью, с какой ходят большие соединения. Остальное сделает воображение противника: оно само дорисует эскадру, вторую и третью. Чем опытнее противник, тем щедрее он рисует.

Я нарисовал щедро. Размашисто, целыми флотами, с нумерацией соединений и расчётом времени развёртывания. Я, Александр Иванович Васильков, знаток обходных манёвров и чужих тылов, человек, столько раз водивший корабли тайными коридорами, что обязан был узнать этот почерк с первого кадра. Меня обыграли не тонкой многоходовой комбинацией — меня обыграли напёрстками у трактира, приёмом, за который курсанта в приличной академии оставляют без увольнительной.

Где-то при штабе первого министра сидел скромный офицер-планировщик, который вычислил меня по старым кампаниям: этот, мол, учён, осторожен, знает цену тоннелям — вот на его учёности и сыграем. Два крейсера и сотня дешё-

вых зондов связали пять десятков крепостей и целого контр-адмирала. Мне захотелось пожать этому человеку руку; желание сломать её при рукопожатии я записал себе в смягчающие обстоятельства. Впрочем, не нужно гадать. Это явно был Валериан...

Волос на голове было жалко. Я ограничился тем, что стиснул край проекционного стола.

Самое горькое лежало глубже, под слоем профессионального стыда. Мы разругались с Настасьей Николаевной Зиминной из-за этих самых тоннелей. Она называла мои серые зоны пустыми дырами, я называл её оборону парадным расчётом; оба были в ударе, и каждый унёс свою правоту с собой, как знамя. Свою я подкрепил делом: забрал у неё из-под начала два заслона крепостей и увёл их сторожить пустоту. Сейчас выяснилось, чья правота была настоящей. С тыла сектору не угрожало ничего, кроме моей уверенности в обратном. Уверенность эту я вырастил на собственных победах и выкормил чужими ошибками, и родословная у неё была безупречной.

Гений тактики и стратегии. Титул оказался арендованным, и сегодня срок аренды истёк. Об этом позаботятся: у проигранных решений всегда больше летописцев, чем у выигранных. Что до Ивана Константиновича — доверие императора теряют один раз. Второй раз терять уже нечего.

Самолюбие болело меньше всего: самолюбие — мышца, оно заживает. Болело другое. Каждую минуту, которую я

провёл, гордо охраняя пустоту, по-настоящему воевали другие. Зимина держала строй, пока я предъявлял ультиматумы «туману войны».

Посыпать голову пеплом мне не дали.

— Господин контр-адмирал, — Пападакис не повысил голоса, и всё же что-то в его тоне заставило меня поднять глаза. — «Елизавета».

На карте вокруг линкора заканчивали работу корабли сцепки. Тросы больше не держали «Елизавету Первую»: её подтягивали, выравнивали и доворачивали, как деталь, зажатую в тисках. Отметка флагмана Суровцева проползла последние сотни метров и слиплась с отметкой линкора в одну.

— Стыковка, — произнёс Пападакис и не прибавил ничего. Прибавлять было нечего.

К чужому линкору не стыкуются для переговоров. Переговоры уже состоялись: их итог читался с карты по тому, как «Елизавета» рвалась из тросов, пока ей было чем рваться. Теперь она не рвалась. Теперь у её переходных узлов строились штурмовые группы, и я слишком хорошо представлял, сколько их набирается сразу с четырёх кораблей. Против экипажа нашего линкора этого хватит с запасом. Арифметика выходила короткая и вся против Настасьи Николаевны.

Вице-адмирал Суровцев не спешил, и эта неспешность говорила о нём больше любого досье. Так двигается человек, у которого выигрыш уже лежит в кармане и который может

позволить себе разгладить мундир перед тем, как войти за ним.

— Абордаж, — сказал я вслух, потому что молчать об этом было ещё хуже.

— Да, — согласился Айк Пападакис.

— И у нас впервые за день развязаны руки, — добавила лейтенант Завадовская. — Зонды подтверждают: в обоих тоннелях по одному выпелу. Ваши распоряжения, господин контр-адмирал?

Распоряжения. Слово было правильное, уставное, и оно повисло в воздухе, пока я смотрел на две слипшиеся отметки в центре карты.

— Лейтенант, дальность до «Елизаветы»? — спросил я, ещё не зная, зачем спрашиваю.

— Девять минут полного хода, — ответила Завадовская. И, помолчав, добавила: — Восемь, если капитан Пападакис разрешит перегрузить маршевые.

— Разрешит, — нехотя согласился Айк.

Никто из нас троих не произнёс ни слова о том, что приказа не было.

— Как же крепости? — спросил, наконец, Пападакис.

— Останутся на позициях и справятся без нас, — ответил я. — Два выпела, при всём уважении к чужой смекалке, заслон не прорвут.

— Тогда готовим расчёт разгона. Пока только расчёт.

— Он готов минуту как, — улыбнулась Анфиса Сергеев-

на, отвечая за меня своему капитану.

— Чего же мы ждём?

— Вашего приказа, господин контр-адмирал.

— Считайте, что вы его услышали. Машинное — готовность, курс пока прежний.

— Есть курс прежний, — кивнул Пападакис.

Я думал о женщине на борту этого линкора. О женщине, с которой я поссорился из-за пустых дыр в пространстве, которую обокрал по всем правилам военной науки и которая всё это время была права. Казённое слово «дорога» здесь не годилось: дорогой бывает вещь. Настасья Николаевна была из тех потерь, после которых эскадру пересчитывать бессмысленно. Мы не сказали друг другу и половины того, что следовало, — я был уверен, что время на это ещё найдётся. Сегодня время нашлось у Суворцева.

И следом, второй волной — хотя ей полагалось идти первой, и её опоздание тоже кое-что говорило обо мне, — накатилась мысль о мальчике.

Иван Константинович так и не покинул «Елизавету Первую». Вся Империя, сколько её осталось верной присяге, помещалась сейчас в одном маленьком пассажире линкора, который скоро начнут вскрывать снаружи и изнутри. Я охранял от вымышленных эскадр два пустых коридора, а настоящая беда тем временем подошла вплотную к каюте моего государя.

Император всё ещё был там.

Глава 2

Облегчение от того что тоннели оказались пусты и нам с «тыла» ничего не угрожает, продержалось несколько секунд.

Ровно столько мне понадобилось, чтобы перевести взгляд с двух злополучных тоннелей обратно в центр сектора. Там продолжалось то же, что и минуту назад, только в меньшем составе: эскадру Зиминной доедали. Раньше я хотя бы мог говорить себе, что стерегу единственную дорогу врагу в тыл; теперь у меня не осталось и этой лжи для внутреннего пользования.

Надежда на карте тоже имелась, и называлась она второй «линией» построения контр-адмирала Зиминной. Крепости заканчивали разворот. Сто с лишним исполинов — все, кому чужие канониры ещё не выжгли силовые установки и артиллерийские палубы, доворачивали орудийные порты в сторону кипящего центра и начинали искать цели. Каждый ствол там по мощности не уступал главному калибру линкора. Сто с лишним таких стволов — это симфонический оркестр. При условии, что за пультами музыканты, а не сто человек, одновременно уронивших по роялю.

— Общий канал по второй «линии», — приказал я. — Всем комендантам.

— Канал открыт, — отозвалась лейтенант Завадовская.

— Говорит контр-адмирал Васильков. Слушать внима-

тельно, повторяю ещё раз. Огонь — только по ясно опознанным целям. По захвату, по подтверждению, по одной. Никакой стрельбы по площадям, никаких «примерно туда». В центре сектора перемешаны оба флота, и ваш заряд не станет разбираться, чей борт ему подвернулся. Разбираться обязаны вы — до выстрела, а не после. Кто не уверен в цели, тот не стреляет. Повторяю: не уверен — не стреляет.

Эфир отзывался вразнобой уставными подтверждениями. Голоса были разные — молодые, хриплые, торжественные, и в каждом звенело одно и то же: наконец, дождались. Людей, которых почти час держали под огнём, наконец допустили к ответу, и удерживать их от азарта предстояло мне — по дальней связи, через полсектора.

Через минуту наблюдения за действиями артиллеристов я повторил всё то же самое, слово в слово, и велел Завадовской ставить этот приказ на повтор каждые десять секунд.

— Господин контр-адмирал, — прорезался голос, молодой и обстоятельный, — а ежели цель сцеплена тросом с нашим кораблём? Считать разрешённой?

— Считать запрещённой. Всё, что ближе трёх корпусов к любому нашему борту, — запрещено.

— Понял вас. Жаль.

— Жаль, — согласился я и закрыл общий канал.

— Узнаю голос, — заметил Пападакис. — Это он при передаче второй «линии» выпрашивал у вас, кто ответит за смещение секторов обстрела?

— Он самый. Тогда я счёл его занудой.

— А теперь?

— А теперь выясняется, что зануда — лучшее, что может случиться с орудием такой мощности.

Пападакис слушал всё это, не отрываясь от своих экранов.

— Вы им не доверяете, Александр Иванович, — сказал он.

— Я им доверяю. Я не доверяю ближнему бою. Этих ребят учили стрелять по полигонным голографическим щитам, где щит один и своих рядом нет. Сегодня у них задача обратная: своих — куча, и все движутся.

— Тогда вам понравится то, что я вижу, — Пападакис кивнул на экран. — Первые захваты подтверждены. Начинают работать.

Первый залп второй «линии»: по всей дуге разворота вспухли и погасли десятки пусковых отметок.

Развёрнутая крепость бьёт из одного орудия. Со стороны это выглядит скупо. Для одного отдельно взятого корабля без энергощитов это выглядит как конец света, назначенный лично ему.

Первым выпал эсминец противника: заряд снёс ему кормовую надстройку вместе с половиной двигателей, отметка вильнула и поползла прочь, теряя ход. Вторым был лёгкий крейсер. Он не вильнул — он остановился, разом, как останавливаются часы.

На мостике «2525» никто не позволил себе ни возгласа,

ни аплодисментов, но воздух ощутимо переменялся: люди вспомнили, как выглядит попадание по чужим.

— Попадание, цель потеряла ход, — лейтенант Завадовская зачитывала доклады, едва поспевая. — Ещё попадание... Третья цель, прямое в артиллерийскую палубу... Коменданты ведут огонь по графику захвата, очередь целей растёт, Александр Иванович.

— Дистанции?

— Ближние и средние. Бьют аккуратно, господин контр-адмирал. Пока — аккуратно.

Слово «пока» она выделила настолько, чтобы я его слышал.

— Потери противника фиксируете?

— Фиксируем, — радостно отозвалась Завадовская. — Несколько вымпелов лишились хода, у двоих выбита артиллерия. Подтверждённых уничтожений нет: коменданты бьют по машинным отделениям и орудийным палубам, как приказано.

— Правильно бьют. Нам нужен противник, который не стреляет, а не противник, который красиво взрывается.

Несколько минут сектор работал на нас. Крепости выцеливали тех, кто держался на отшибе: одиночные вымпелы, охранение, повреждённых, отходивших на восстановление щитов. Корабли Суровцева выходили из строя один за другим — без героики и фейерверков, обыденно: потерял ход, потерял орудия, потерял интерес к сражению.

— Признаю, — сказал Пападакис, наблюдая, как очередная чужая отметка гаснет до жёлтого. — Канониры фортов стреляют лучше, чем я о них думал.

— Они стреляют лучше, чем сами о себе думали. В этом и состоял главный риск.

— Перехват открытых частот противника, — Завадовская вывела звук на мостик. — Думаю, вам стоит послушать.

Эфир противника звучал так, как звучит всякий эфир, в котором план перестал совпадать с действительностью. Кто-то требовал доложить, откуда огонь. Кто-то докладывал и сам себе не верил. Кто-то вызывал флагмана, не дозывался и с горя вызывал соседа. Слова были разные, интонация одна — интонация людей, обнаруживших, что декорации в виде фортов у них за спиной начали серьёзно уменьшать количество кораблей их эскадры.

Один голос запомнился мне особенно: немолодой, командирский, он трижды подряд повторил в пустоту один и тот же вопрос — кто ведёт огонь по четвёртому ордеру, и с каждым разом в нём убывало командирского и прибавлялось человеческого. Я мог бы ответить. Воспитание не позволило. Вскоре частоту накрыло глушение уже с их стороны: на флагмане сообразили, что паника, транслируемая в открытый эфир, работает на противника.

— Минуту назад самым обманутым человеком в секторе был я, — сказал я. — Приятно было передать это звание.

— Получателям достаётся, — отозвался Пападакис.

Впрочем, звание неудачников у них отобрали быстро.

Паника во флоте живёт до первого внятного приказа, а внятные приказы были той статьёй снабжения, в которой Валериан Николаевич Суровцев никогда не знал дефицита. Самиго приказа я не слышал, но содержание читалось по манёвру на карте, как по губам. Видимо, с флагмана коротко привели капитанов в чувство: перемена началась почти одновременно по всему центру сектора.

Корабли Суровцева, вместо того чтобы рассыпаться и выходить из-под огня, разом двинулись вперёд — на максимальное сближение с остатками эскадры контр-адмирала Зиминной. Они подныривали под наши борта, вцеплялись захватами, сцеплялись с теми, кого четверть часа назад увлечённо жгли, — и каждый наш корабль превращался для них в укрытие. Прячась за тем, кого убиваешь, и пусть его защитники решают задачу, у которой нет правильного решения.

Ход был грязный, умный и безукоризненно своевременный. Меня это не удивило и не утешило.

— Он ведь понимает, что по сцепкам мы стрелять не станем, — сказала Завадовская. Это не было вопросом.

— Понимает. На этом манёвр и построен. Суровцев всю службу изучал не корабли, а людей, и точно знает, чего они не сделают. Такое знание защищает лучше нимидийской брони.

Хуже другого было то, что сцепка решала Суровцеву и вторую задачу: абордажным партиям не нужны шаттлы там,

где борта прижаты друг к другу. Укрываясь от крепостей, он одним манёвром раздавал приказы по абордажу каждого уцелевшего корабля эскадры Зиминной — оптом, не отвлекаясь от основного дела. Про флагманский линкор я себе думать запретил: эта мысль стоила слишком дорого в единицах самообладания.

Для канониров фортов центр сектора за считанные минуты превратился из тира в ювелирную мастерскую. Только что цели ходили отдельно и гордо — теперь на каждой чужой отметке висела наша, и по общему каналу стало слышно, как коменданты по два раза переспрашивают целеуказание.

— Форты запрашивают разрешение на огонь по сцепленным парам, — Завадовская произнесла это так, как переносят стекло.

— Запрещаю. По сцепкам не бить. Работать только по свободно маневрирующим.

— Свободно маневрирующих всё меньше, господин контр-адмирал.

— Значит, стрелять будем всё реже. Передайте дословно. Запрет опоздал. Не весь — но опоздал.

В первые, самые азартные минуты, пока очередь целей казалась бесконечной, несколько десятков зарядов легли не туда. Плазме с таких дистанций безразлично, какие коды опознавания у борта, в который она пришла: физика не присягала никому. Доклады о своих приходили с задержкой и от задержки делались тяжелее: повреждения носовых отсеков,

потеря хода, разгерметизация палуб — и в каждой строке позывные, которые я знал по утренним переключкам.

За каждым таким позывным стояла команда, которая с утра видела в крепостях своё спасение. Спасение стреляло в обе стороны, и отвечать за это предстояло мне — если доживу до ответа.

Я сам требовал бить прицельно и выверенно. Они и били — прицельно в кашу, в которой выверять было уже нечего.

— Орудия прекращают огонь по секторам плотной сцепки, — доложила лейтенант Завадовская. — Стреляют по готовности. Всё реже.

— Добро. Реже — это сейчас лучшее, что мы можем сделать для своих.

Легче от этого приказа не становилось никому. Канониры, дождавшиеся наконец своего сражения, снова превращались в зрителей — теперь уже с заряженными орудиями и очередью целей, к которым нельзя прикоснуться. Я слышал по общему каналу, как коменданты глушат ругань собственных расчётов, и не завидовал ни тем, ни другим.

А потом противник вспомнил, что у развернувшейся крепости тыл теперь там, где недавно был фронт.

Несколько чужих вымпелов выскользнули из свалки и пошли в обход второй «линии» — в кормовые сектора, которые после разворота снова никто не прикрывал. Они заходили сзади, размеренно и деловито, как рабочие на смену, и с коротких дистанций выжигали в крепостях то, что делает

крепость крепостью: силовые установки, орудийные палубы, узлы наведения. Форты пытались доворачивать вслед — с их приводами это было всё равно что отмахиваться от осы шкафом.

— Доклады с крепостей, — Завадовская перестала выбирать формулировки. — Потеряны силовые установки, орудийные палубы горят. Коменданты просят разрешения на эвакуацию расчётов.

— Всем, кто лишился и силовой, и орудий, — экипажи в капсулы, курс на соседние крепости. Остальным — драться. Помощь будет.

Последние два слова я произнёс раньше, чем понял, что они означают приказ, которого никто мне не отдавал.

— ...кормовые сектора не простреливаются, доворот не успеваем, — комендантский голос в эфире держали ровным, и давалось это заметным трудом. — Силовая повреждена, ведём огонь из орудия. Прошу поддержки кораблями.

Поддержки. Кораблями. На всю вторую «линию» у меня был один корабль, и стоял он там, где уже ничего не могло произойти.

— Господин контр-адмирал... — начала Завадовская.

— Знаю, лейтенант.

Я в последний раз пробежал глазами по карте — по привычке, от которой пора было отвыкать: ничего нового она сообщить не могла. Тоннели пусты, и это подтверждено дважды. Заслон при своих двух одиночках обойдётся без меня.

Полномочия, приказы, доверие двора — обо всём этом можно будет поспорить после боя, с тем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.